

От редактора рубрики

Две страны Корейского полуострова, как существенные элементы политико-экономической системы современного мира, требуют детального изучения в пространственном и региональном разрезе. Несмотря на свои небольшие размеры, и Север, и Юг Кореи характеризуются физико-географическим и социально-географическим разнообразием и значительными диспропорциями регионального развития. Южная Корея уже полвека активно пытается направлять эволюцию своей пространственной структуры в нужное государству русло, разрабатывая соответствующие планы на всех уровнях политического управления. Власти Северной Кореи до недавнего времени проявляли относительное равнодушие к этому вопросу, но в 2024 г. инициировали программу развития периферии "20x10", в рамках которой в течение 10 лет будут создаваться по 20 новых предприятий в периферийных районах государства.

Внимание к пространственному развитию, возможно, является не только реакцией на объективные социально-экономические вызовы, но и следствием лежащей в основе корейского социума конфуцианской культуры, в которой труд земледельца традиционно почитался, а обустройство пространства цивилизации в окружении вселенского хаоса считалось едва ли не главным смыслом существования государства и его государя. Во всяком случае, Китай и Япония, в основе культуры которых тоже лежало конфуцианство, со второй половины XX в. проводят региональную политику самым активным образом. Таким образом, Корейский полуостров даёт интересный эмпирический материал для региональных исследований, обычно сфокусированных на более крупных странах.

Российское корееведение преимущественно изучает культурные, экономические и политические аспекты, однако публикации по географии Кореи выходят всё чаще, а их качество постепенно растёт. В частности, сотрудниками ДВФУ при поддержке московских коллег из Института Китая и современной Азии РАН, Института географии РАН и Высшей школы экономики два года назад был выпущен первый профильный сборник статей по данной теме¹. Настоящий номер журнала продолжает это начинание.

В. А. Денисенко (ДВФУ) рассматривает территориальную асимметрию и особенности региональной политики Республики Корея в период президентства Юн Сок Ёля, провозгласившего начало "эпохи местного самоуправления". Автор отмечает существенную асимметрию социально-экономического развития регионов, осложняющую реализацию любого варианта региональной политики, а также катастрофическую демографию большинства городов и провинций страны. Оценивая эффективность политики Юн Сок Ёля при помощи собственной методики, В. А. Денисенко приходит к выводу об отсутствии значительных результатов в снижении территориальных диспропорций, более того, – об увеличении числа регионов с интегральными показателями ниже области средних значений в 2023 г.

Л. В. Захарова (ИКСА РАН), исследуя вышеупомянутую политику КНДР "20x10", выделяет предпосылки, цели и методы реализации нового курса Ким Чен Ына по развитию периферии. Автор делает вывод о том, что политика регионального развития "20x10" выходит за рамки прежнего отраслевого подхода к экономическому планированию: она начиналась с плана ежегодного строительства предприятий промышленности местного значения, то есть была, в первую очередь, промышленной политикой, однако вскоре расширилась до комплекса задач в области региональной экономики и социальной сферы. Помогая регионам строить новые предприятия и социальные объекты, центр предоставляет им своеобразный стартовый капитал для развития местных производств и сферы услуг. За дальнейшую эксплуатацию создаваемых объектов отвечают региональные и муниципальные власти, которые, – с учё-

¹ Общественная география государств Корейского полуострова: сборник статей / под ред. Л. Е. Козлова; предисл. П. П. Эма. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2023. 284 с.

том их невысоких материальных возможностей, – вероятно, будут привлекать рыночных игроков, в т.ч. из дружественных зарубежных стран.

Ф. М. Чернецкий (МГУ им. М. В. Ломоносова) на основе анализа электорального пространства РК представляет собственную сетку макро- и мезорайонов, верхних и наиболее значимых "этажей" электорального районирования страны. Автор уделяет особое внимание демонстрации взаимосвязей между регионализмом и районированием. По его мнению, южнокорейские выборы являются одним из наиболее наглядных кейсов для проведения политического районирования, поскольку региональный фактор здесь очень сильно влияет на общегосударственный политический процесс. В предложенной схеме районирования макро- и мезорайонов электорального пространства Южной Кореи Ф. М. Чернецкий делает главный акцент на качественных характеристиках региональных политических культур. Он отмечает, что, хотя любая схема есть лишь способ упорядочивания знания об электоральном пространстве, в случае Южной Кореи этим территориальным отдельностям существенно добавляет "реальности" признание их самими политическими акторами и совпадение их границ с границами административных и исторических регионов.

Л. Е. Козлов (ДВФУ) выявляет внешнеполитические возможности, которые даёт государству развитие умных городов. Согласно авторской концепции, в состав ресурсов внешней политики входит социально-географический ресурс, который накапливается в ходе естественного или целенаправленного развития территории государства. Умные города, строящиеся национальными компаниями и государственными органами на своей территории, а в случае их соответствия передовым мировым образцам – и в зарубежных странах, сегодня становятся частью этого ресурса. Кейс РК свидетельствует о том, что продвижение на мировой арене собственных методик, технологий и технических инструментов строительства умных городов помогает стране-экспортеру решать две сугубо внешнеполитические задачи. Во-первых, это улучшение своего имиджа как развитой державы и, как следствие, укрепление дружественных отношений с развивающимися странами. Во-вторых, это получение доступа к системам жизнеобеспечения и соответствующим большим данным умных городов стран-импортёров.

В. С. Акуленко (ДВФУ) исследует текущее состояние и перспективы развития рыбной отрасли Особой самоуправляемой провинции Канвон РК. Несмотря на второе место в стране по площади, население провинции составляет всего около 3% от общего числа жителей Южной Кореи. Это классический пример депрессивного региона, пострадавшего от изменения конъюнктуры в энергетике и тяжелой промышленности, а именно от падения спроса на каменный уголь, добыча которого была здесь ранее ключевой отраслью. Уже не менее 30 лет центральное правительство и региональные власти пытаются поставить развитие провинции на новые рельсы, но получается это с переменным успехом. Автор приходит к выводу, что добыча и переработка рыбы и морепродуктов – это важная, но уязвимая отрасль региональной экономики, развитие которой во многом определяется ограниченностью природных ресурсов, старением трудовых кадров, а также последствиями климатических изменений. Поэтому провинция стоит перед выбором: продолжать опираться на ресурсную модель, рискуя дальнейшим спадом ключевой отрасли, или пытаться перейти к новой высокотехнологичной системе производства, опираясь на аквакультуру, переработку импортного сырья и диверсификацию внешне-экономических связей.

Статьи, поступившие в представляемую рубрику, посвящены довольно специфичным проблемам регионального развития и центр-региональных отношений, что отражает пока ещё фрагментарный характер отечественных исследований общественной географии Корейского полуострова. Тем не менее, они значительно продвигают наше понимание актуальных тенденций, вызовов и достижений Севера и Юга Кореи в данном измерении. Остаётся пожелать, чтобы они послужили основой и катализатором более комплексных и всесторонних исследований.